

Причина, по которой его нельзя было есть, очень проста.

Тигровое мясо очень ценно.

Один цзинь (500 г) тигриного мяса продается за тридцать вэней, в то время как один цзинь свинины стоит всего пять-восемь вэней. Даже если бы обычные семьи охотились на тигров, из-за своего бедного образа мыслей они все равно продали бы тигриное мясо, чтобы обменять его на обычную свинину.

Но Фан Хэн и Чан Янь этого не понимали.

Они никогда не сталкивались с необходимостью продавать хорошие вещи, чтобы получить деньги на жизнь.

В этот момент они сами себя разоблачили.

К счастью, Цзян Шэн была молода и не замечала таких вещей.

Хотя Чжан Цицюань и почувствовал что-то странное, он не стал слишком глубоко задумываться над этим. Он просто объяснил им: "Это мясо тигра можно обменять на мясо трех свиней, что позволит вам дольше прокормиться и будет более экономичным".

Фан Хэн поджал губы.

Чан Янь выглядел задумчивым.

"Теперь самое главное - как продать эти меха и мясо", - вздохнул Чжан Цицюань. "В городах их можно продать, но мало кто может себе это позволить. А если ехать в уезд, то независимо от того, продается он или нет, сначала нужно заплатить двести вэней за стоянку".

Двухсот вэней было достаточно, чтобы обычная семья из трех человек питалась полгода.

Кто же согласится вот так просто отдать их?

В этот момент Чжэн Жуцянь, стоявший в стороне, заговорил: "Почему бы нам не воспользоваться ночью и не спрятать его под овощами. Давайте спросим белого лавочника".

Юрен Джу был рестораном, поэтому он мог брать мясо, как и овощи.

Если отвезти мясо под покровом ночи, то даже если оно им не понадобится, они все равно смогут тайно доставить его обратно.

На данный момент это был единственный план.

Как раз вовремя, чтобы забрать старшего брата из школы, Фан Хэн вымыл руки и завернул тигриное мясо и внутренности в ткань, закопав их под овощами.

Чжэн Жуцянь затащил Цзян Шэна в повозку с ослом, а Чжан Цицюань сел с другой стороны.

Вэнь Чжиюня и Чан Яня они оставили дома присматривать за домом.

Воспользовавшись ночью, они направились в уездный город.

Цзян Шэн впервые приехала в уезд ночью. Она думала, что здесь будет темно и пустынно, как в городах, и ничего не будет видно.

Она не ожидала, что в уезде будет очень оживленно: повсюду большие красные фонари, люди приходят и уходят, едят, пьют и веселятся, очень радостно.

Даже женщины из двора Ихун выглядели более нежными, чем днем, называли людей "господин", как только те открывали рот, и кокетливо заглядывали им в глаза, когда те поднимали руки.

Чжэн Жуцянь зарылся головой в спину Цзян Шэна, не решаясь открыть глаза.

С большим трудом они добрались до Юрэн Чжу. У дверей стояли кареты и паланкины, а спускающиеся люди были одеты в парчовые халаты. В этот момент их пыльные ослиные повозки и хлопчатобумажные куртки бросались в глаза.

Цзян Шэн прыгнула с повозки. Ее свободное и несдержанное сердце впервые почувствовало неловкость.

Разница между бедностью и богатством была слишком разительной и голой.

К счастью, в дверях стоял лавочник. Увидев ее, он с улыбкой подошел к ней: "Маленькая Цзян Шэн, почему ты пришла так поздно ночью? Не хочешь ли ты зайти в "Юрэн Джу", чтобы поесть?"

Цзян Шэн покачала головой, как барабан: "Дядя Бай, я не могу позволить себе еду в вашем магазине. Я пришла, чтобы доставить вам овощи".

"Доставлять овощи посреди ночи..." лавочник был умен и быстро сообразил: "Принеси овощи".

Это была та самая отдельная комната, с которой они договорились сотрудничать раньше.

Как только пакет с тигриным мясом был положен на пол, белый лавочник сузил глаза, в его зрачках появился блеск.

То, что они поспешили доставить даже в темноте, должно быть хорошей вещью.

Но когда он открыл упаковку и увидел несколько черных и желтых волосков, прилипших к мясу и шкуре, он все еще был шокирован. "Это тигриное мясо?"

"У дяди Бай действительно хорошее зрение", - снова начала льстить Цзян Шэн. "На него только сегодня охотились. Как только хорошее мясо было разделано, мы поспешили доставить его дяде Бай. Не знаю только, захочет ли Юрэн Цзю или нет. Если ты не хочешь..."

Она намеренно затянула свой голос.

Белый лавочник беспомощно и снисходительно рассмеялся. "Хочу, конечно, хочу. Только по рыночной цене, тридцать вэней за цзинь. Я возьму столько, сколько есть".

Юрен Джу не был обычным рестораном. Владелец стремился сделать его лучшим и высококлассным рестораном в городе. Естественно, ингредиенты также должны были быть самыми лучшими и качественными.

Свежесть была лишь основным критерием, а редкость - ключевым.

Это тигриное мясо обладало и тем, и другим, что делало его редким сокровищем. Как мог Лавочник пропустить его?

Он подозвал молодого официанта из прошлого раза, чтобы тот взвесил его.

Взрослый тигр мог весить до 300 цзиней, но за вычетом шкуры, кнута и головы оставалось еще более 200 цзиней.

В пересчете на серебро это составляло более шести с половиной таэлей. Если бы это было 200 цзиней свинины, то максимум это было бы два таэля серебра.

Цзян Шэн пристально посмотрела на Фан Хэна, в ее больших глазах читалось: "Ты смеешь снова есть тигриное мясо?".

Фан Хэн пристыженно опустил голову.

Рассчитавшись, белый лавочник достал серебряные деньги: "Всего 246 цзиней тигрового мяса, в пересчете на семь таэлей и триста восемьдесят медных монет. Не знаю, считать ли его вместе с овощами?"

"Не нужно", - покачала головой Цзян Шэн.

В душе она четко знала, что половина денег от тигриного мяса принадлежит дяде Чжану. А вот деньги от овощей принадлежали им, и они не могли их перепутать.

Получив серебро, она отсчитала половину и вручила ее Чжан Цицюаню, а остальные плотно завернула в кошелек.

Воспользовавшись случаем, Чжэн Руцянь вышла вперед и коротко объяснила, что не может собирать овощи.

Только что полученное тигриное мясо привело лавочника в хорошее настроение, к тому же он понимал местные условия. Он махнул рукой и сказал: "Действительно, зимой мало свежих овощей. Просто доставляйте по тележке каждые полмесяца. Это не будет считаться нарушением нашего соглашения".

Только тогда Чжэн Руцянь почувствовал облегчение.

Рассчитавшись за овощи, они отправились за Сюй Мо на запад города.

Лавочник, казалось, в чем-то сомневался. Подумав, он обратился к Цзян Шэну: "Малыш Цзян Шэн, раз уж у тебя есть тигровое мясо, куда делись тигровый кнут и тигровая шкура?"

"Если их никто не забрал, завтра же отправь их мне".

"Юрэн Цзю их не возьмет, но они мне нужны".

Цзян Шэн не ожидала, что за одну поездку ей удастся позаботиться о целом тигре. Она была очень счастлива. Когда она села в повозку с осликом, то уже не чувствовала разницы между бедностью и богатством.

Лавочник проводил их до дверей.

Молодой официант не удержался и спросил: "Хозяин, вы еще можете сделать кожаное кресло из тигровой шкуры, зачем вам кнут? Разве ваша жена не ушла уже много лет назад?"

Выражение лица белого лавочника было не очень приятным. Как старый вдовец, он должен был немного объясниться, иначе подозрения останутся.

"Это не для меня", - сказал он ворчливо. "Через несколько дней приедет молодой хозяин, чтобы осмотреть дела. Я подумал, что ему это понравится".

Только тут молодой официант внезапно понял, что к чему, и почесал голову, возвращаясь в Юрен Джу.

Он чуть было неправильно понял лавочника.

На западе города Сюй Мо ждал и ждал у ворот академии, но повозка с осликом и его младшими братьями так и не появилась.

Он был умным человеком, поэтому предположил, что с братьями и сестрами что-то случилось, и очень волновался, даже заставляя себя стоять на месте.

К счастью, вскоре раздался знакомый стук ослиных копыт, и появился Фан Хэн за рулем ослиной повозки.

"Старший брат", - выглянула маленькая головка Цзян Шэна.

"Старший брат", - Чжэн Жуцянь тоже оскалил зубы в улыбке.

Сюй Мо испустил долгий вздох, и его сердце снова вернулось на своё место.

Он сел в тележку, сначала вежливо поприветствовал Чжан Цицюань, а затем посмотрел на братьев и сестер.

Насколько он понимал, ему не нужно было спрашивать, чтобы братья и сестры поспешили рассказать ему о случившемся.

Цзян Шэн и Чжэн Жуцянь по очереди рассказывали ему суть происходящего.

"Старший брат, мы припасли для тебя миску тигриной крови", - озорно сказала Цзян Шэн. "Не забудь выпить ее, когда вернемся".

Выражение лица Сюй Мо внезапно застыло.

Фан Хэн, управляя повозкой с осликом, разразился громким смехом, который разносился далеко в темноте ночи.

Дети впервые заработали столько денег, поэтому все они были очень счастливы и взволнованы.

Только Чжан Цицюань глубоко нахмурил брови, в его сердце затаилась тревога.

<http://tl.rulate.ru/book/104294/3835591>